

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

Ксения Хан

#ХОЗЯИН ТЕНЕЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
СЛЕД ВЕДЬМЫ



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х19

Х19 Ксения, Хан.
Хозяин теней : [роман] / Ксения Хан. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 352 с. — (ONLINE-бестселлер).

ISBN 978-5-17-109700-4

Ирландия, начало девятнадцатого века. В лесу, неподалеку от маленького портового городка, среди убитых англичан в сознание приходит человек. Он не помнит своего имени, возраста и ничего не знает о своем прошлом. Его спасает девушка-травница и дает новое имя, с которым он может начать жить заново.

Англия, наши дни. В маленьком городе на берегу гавани держит антикварную лавку человек по имени Теодор Атлас. Его телу больше двухсот лет, но бессмертная душа, похоже, не планирует умирать. Теодор ведет нелюдимый образ жизни, общается только с партнером по бизнесу Беном и никого не хочет впускать в свой мир. Но в его жизнь врывается череда дежавю, от которых он не может отмахнуться.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109700-4

© Ксения Хан, текст, 2018
© Shutterstock Inc., фотография на обложке, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

#1. КОФЕ ИЗ ШАЛОТТ И ПИНО-НУАР

Из-за стены доносится размеренный стук шагов: кто-то спускается по лестнице со второго этажа в лакированных туфлях и бодро стучит невысокими каблуками по деревянным ступеням. Этот кто-то — Бен Паттерсон, молодой человек тридцати трех лет с гладко выбритым точеным подбородком, острыми скулами и бледной кожей, которая сильно контрастирует с его темными кудрявыми волосами. Вот Бен замирает у стола в кухне и наливает себе чашечку свежесваренного кофе — напиток бурлит в его чашке, аромат тянется на веранду. Потом его туфли шаркают по полу — Бен разворачивается и выходит на задний двор через черный ход. Он прихлебывает из чашки и, глядя вдаль, спрашивает:

— Ты сегодня снова не спал, Теодор?

Теодор хмуро наблюдает за полетом чайки над гаванью: под карими глазами — тени, волосы встрепаны. Он с ногами сидит на резном деревянном стуле и упирается коленями в деревянную балюстраду веранды, выкрашенную в белый цвет. Обтянутые мятыми брюками коленки торчат из-под длинного халата с китайским узором.

— Поспал минут сорок, — отвечает он спустя некоторое время.

Бен вздыхает, цепляя на нос очки. Сейчас снова будет читать проповеди о здоровье.

— Даже не начинай, юноша, — мотает головой Теодор и тут же тихо охает. Кажется, будто мозг прыгает в черепной коробке, точно мячик.

— Ты не пробовал нормально жить? — тянет Бен.

— Нет. Я пробовал нормально сдохнуть.

Бен снова вздыхает.

— Что-то пока не выходит.

— Да, спасибо, а то я сам не заметил.

Перед глазами Теодора все плывет. На самом деле, сорок минут сна лишь усугубили положение: лучше было вовсе не спать, чем теперь клевать носом и пытаться собрать себя воедино. Он внимательно прислушивается к себе. Сердце стучит быстрее в несколько раз, снаружи жарко, а внутри — холодно. Руки трясутся, если их поднять, да и ноги от такого положения затекли. Его состояние можно описать как удручающее.

Но он явно не умрет от простого недосыпа. Максимум — упадет в обморок и очнется уже где-нибудь в кровати в собственной спальне или на софе в гостиной, а Бен потом будет полдня причитать над ним, как старик.

Жаль, гордость не позволяет Теодору пустить себе пулю в висок. Хотя она, надо признать, тоже не принесет облегчения — разве что головную боль.

— Ну и чего ты добиваешься? — скептически поджимая губы, спрашивает Бен. Он сидит рядом на таком же стуле и раскачивается на его задних ножках. Кошунственное отношение к парному стулу из коллекции двадцатого века, надо сказать.

— Исследую возможности своего организма, — отвечает Теодор. — Пытаюсь понять, сколько продержусь без сна и еды.

— Ты еще и не ел?!

— Пока что выходит около двух суток.

Бен откидывается на спинку и прикрывает рукой глаза.

— Сломаешь его, и я тебя убью, — говорит Теодор, морщась от скрипа половицы. Бен безразлично отпивает еще глоток кофе.

— Тебе надо поесть, — говорит он. — И поспать. Выглядишь хуже смерти.

Теодор угрюмо хмыкает в скрещенные у подбородка пальцы.

— Видел я смерть. Поверь, мне до нее далеко.

Некоторое время они молчат, смотрят на гавань и думают каждый о своем. Теодор крутит серебряное кольцо на мизинце и прикидывает, стоит ли ему выпить кофе сейчас или подождать полного истощения организма и тогда уже залить умирающий желудок звериной дозой кофеина. Интересно, получится ли у него в этот раз выпасть из жизни на месяц или хотя бы пару недель — или Бен откачает его раньше и достанет нравоучениями так, что захочется повеситься?

— Ты меня слышишь? Теодор!

Желание затянуть петлю на шее возникает прямо сейчас.

— Тебе пора на учебу. — Теодор устало прикрывает глаза. Темноту тут же заполняют всполохи белого и желтого цветов — явный признак того, что сознание отключится, если просидеть с закрытыми глазами хотя бы полминуты.

Скрипят ножки стула. Теодор морщится. Бен встает, допивает свой кофе и, возвращаясь в дом, бросает напоследок:

— Поспи, вечером ты должен быть бодрым.

Мысли Теодора вязнут в густом желе из уличного шума, криков чаек с побережья и стука собственной крови в ушах.

— Зачем мне быть бодрым?

Бен недовольно поджимает губы.

— Меня пригласили на аукцион, я говорил тебе. Ты идешь со мной.

Дверь на веранду закрывается, и Теодор устало стонет. Он ненавидит сборище чванливых стариков, от которых пахнет высокомерием ушедшей эпохи роскоши и классового неравенства. Общество малолетних гордецов, слепцов и хвастунов, вот что он о них думает. Жаль только, вслух говорить такие вещи нельзя, ведь ему всего-то тридцать восемь — слишком юный возраст для того, чтобы тягаться в мудрости с шестидесятилетними вершителями судеб на аукционах антиквариата.

Или уже сорок?

Теодор не помнил своего возраста. Последний паспорт, который он выправил себе на имя Теодора Атласа, говорил, что ему около тридцати, но это было лет десять назад. Возможно, стоит проверить документы.

Он вздыхает, с трудом поднимается со стула и уходит в дом с тяжело гудящей головой.

Похоже, придется завязать с очередным экспериментом по умерщвлению себя, раз уж вечером он нужен Бену в приличном виде.

* * *

Они всегда считают себя выше других хотя бы потому, что свою недолгую в шестьдесят с лишним лет прожили в богатстве элитных семей среди ядовитых разговоров о политике, слухов и ненормальных вле-

чений к показной роскоши. Такие люди выставляют себя всезнающими и пытаются указать ему, молодому, на недостатки современного воспитания, образования или опыта. Теодор видит в них лишь малодушие вкупе с чрезмерной гордостью. Он мог бы сказать им, что их недалекий ум вряд ли станет ему примером, но только это бесполезно.

Теодор слишком юн для стариков почтенного возраста, чтобы иметь свое мнение насчет предметов интерьера, возраст которых насчитывает не одно столетие, поэтому ему стоит внимать остальным и не пытаться доказать свое превосходство. По крайней мере, Бен говорит ему это постоянно.

Хотя Теодор никогда его не слушает, и они оба это понимают.

— Это же мистер Стрэйдланд, — тихо охает Бен, глядя за спину своего спутника. Теодор поворачивается, видит лысый затылок высокого худого джентльмена и позволяет себе ядовитый смешок.

— Пришел полакомиться остатками пира, стервятник, — скалится он.

Бен молча хватается его за рукав пиджака.

— Не начинай.

Теодор медленно опускает голову, хотя смотреть вниз или вверх ему все еще тяжело — сон не принес желанной бодрости.

— Ты знаешь, что я не люблю, когда ты хватаешь меня за рукава, юноша.

Бен недовольно поджимает губы.

— Ты не любишь, когда тебя хватают за что угодно, и не стоит конкретизировать.

Теодор глубоко вздыхает и выдергивает твидовый локоть из цепких пальцев Бена.

— Напомни мне, почему я все еще здесь и терплю тебя? — спрашивает он, склонив голову, на что получает лаконичный ответ и добавку, приправленную ядом:

— Потому что нам нужен Уотерхаус. А еще потому что ты снова занимаешься бессмысленной чепухой и тебе нужно развеяться.

— Я исследую возможности своего организма, — цокая языком, поправляет его Теодор. — Это не бессмысленная чепуха.

Бен даже не смотрит в его сторону.

— Ты знаешь, что все твои попытки убиться окончатся провалом, и не тем, на который ты рассчитываешь. Поэтому они бессмысленны.

Нацепив на тонкую переносицу очки в черной матовой оправе, Бен осматривает зал, полный тел, рук и ног, упакованных в дорогие костюмы, голов разного цвета, лысых и кудрявых, прилизанных лаком и взъерошенных по последней моде. Теодор ее не понимает. В зале, где долгое время балом правила «Леди из Шалотт», единственная прекрасная женщина города, в зале, полном людей и картин, лиц живых и нарисованных, он чувствует себя как в рыбацком порту.

— Придумай себе более приветливую маску, — говорит Бен вполголоса, подзывая спящего между местными снобами мальчишку-официанта. Он еще моложе Бена: на вид ему лет двадцать с небольшим, и на его лице Теодор еще не видит поцелуев старости. Гладкая кожа без единой морщинки. Только возле светлых, почти бесцветных глаз застыли лучики частых улыбок.

— Зачем? — справедливо вопрошает Теодор, поднимая с подноса бокал темного вина. — Я не собира-

юсь раздаривать этим высокомерным попугаям свои улыбки только ради их внимания.

Бен вздыхает и делает первый глоток из своего фужера. Он отдал предпочтение белому — голова должна быть ясной. Стекло потеет от его дыхания, вино остается у краешка рта кисловатым о себе напоминанием. Бен украдкой слизывает каплю и вытирает губы носовым платком, уголок которого до этого торчал из нагрудного кармана его пиджака как простой атрибут и дань моде.

Теодор высматривает в толпе стервятников самого жилистого и сухопарого, мистера Стрэйдланда, и резким движением опрокидывает в себя бокал вина, мимолетно ощущая на языке его вкус, а в горле — терпкое послевкусие.

— Это был бургундский пино-нуар, — замечает Бен, поджимая губы.

— По твоему тону можно подумать, — вторит ему Теодор, — что этот бокал вина чем-то отличался от двух предыдущих.

Бен вспыхивает так, словно его оскорбили в лучших чувствах.

— Ненавижу, когда ты так делаешь.

— Как?

— Запрыгиваешь в товарный вагон летящего мимо попутного поезда, когда у тебя в кармане лежит билет на варшавский экспресс через горы, но тебе не хочется его ждать.

Теодор выгибает бровь такой дугой, что она теряется в его темных волосах.

— Какие метафоры — и все из-за вина?

Бен хмыкает и делает второй глоток из своего бокала.

— А я не о вине говорил, — и отводит взгляд, улыбаясь своим мыслям.

В этот момент двустворчатые высокие двери художественной галереи распахиваются с тихим скрипом, который раздается во всеобщем гуле голосов так, словно кто-то разрывает пополам книжную страницу. Теодор оборачивается, следуя за взглядом Бена, и видит улыбающееся широкое лицо устроителя аукционов.

— Генри? — удивленно отзывается Бен.

— Вернулся, значит.

Среди прочих подобных лиц Теодор готов с теплой относиться только к Генри Карлайлу, которого среди искусствоведов зовут «добряком Генри».

— Добро пожаловать, дамы и господа! — Светловолосый мужчина с улыбкой хлопает в ладоши, и этот глухой звук эхом разлетается по душному залу. — Прошу прощения за задержку. Проходите, присаживайтесь!

Вот, значит, кто будет вести аукцион. Теодор довольно хмыкает, впервые находя весомую причину своего здесь присутствия.

Бен проходит в зал среди прочих и садится поближе к подмосткам. Теодор остается стоять у дверей, прислонившись к мраморной колонне лбом. Гладкая поверхность холодит кожу и успокаивает гудящую голову, в которой снова возникают навязчивые мысли.

Теодор думает, что причина тут не только в сегодняшнем недосыпе.

— Итак, господа, начнем? — слышит он мягкий, с хрипотцой голос Генри. Неизвестно, виновато ли в этом пристрастие к курению или же этими нотками его наградила природа, но баритон у искусствоведа Генри Карлайла в самом деле приятный.

Еще одна отличительная особенность, благодаря которой он получил свое прозвище среди именитых господ. Такому голосу хочется верить.

Генри улыбается со своего постамента невольно умолкающим гостям и просит внести первый лот.

Фредерик Лейтон, «Этюд головы музыканта из «Празднования Мадонны Чимабуэ»».

Поскольку сегодняшний вечер посвящен прерафаэлитам, небольшая картина англичанина-академиста служит лишь аперитивом. Как, впрочем, и все следующие лоты, несмотря на внушительные размеры некоторых из них.

Теодор следит за настроениями в зале со скучающим видом. Время от времени на него удушливой волной накатывает сон, и выпитое вино бодрости никак не способствует. В воздухе кружит запах денег и пота, так что Теодор с ядовитой ухмылкой думает, что даже элитному обществу никуда не деться от своей человеческой природы, сколько ни чти они себя богами.

Эскиз Габриэля Росетти мелькает перед глазами Атласа вслед за его приятелем Милле. Отчаянные романтики девятнадцатого столетия.

Иногда Теодор ловит себя на мысли, что ему жаль нескольких десятков пропитых впустую лет, которые он мог бы заполнить знакомствами с кем-то более приличным, чем деревенские пьянчуги старой доброй Англии.

— Ну, и наконец... — радостно вздыхает Генри и замирает в ожидании. Его лицо светится не только в лучах ламп неприятного электрического света, направленных на небольшую сцену. Теодор выпрямляется, отталкиваясь от колонны плечом. — Последний лот нашего аукциона. «Леди из Шалотт».

В зал из боковой неприметной двери вносят картину, облаченную в тонкую позолоченную раму из старого дерева. Темные декорации, посеревшие и позеленевшие от времени, окружают девушку в красном платье, навеки застывшую в порыве увидеть мир своими глазами, а не через зеркало теней.

Джон Уильям Уотерхаус. «Леди из Шалотт смотрит на Ланселота». Первый эскиз.

По частоте появления на картинах прерафаэлитов трагичная история Леди из Шалотт уступает только Офелии, и Теодор смотрит на юную женщину как на давнюю знакомую. Ему нравится, какой изобразил ее Уотерхаус. Такой решительной он не видел ее ни на одной из картин других художников.

— Ну, здравствуй, красавица, — шепчет Теодор себе под нос, и его губы растягиваются в невольной улыбке, больше похожей на хитрую усмешку, наискосок прочертившую лицо.

Это не копия, заменяющая оригинал картины в галерее. Это подлинник эскиза, сохранивший первые небрежные мазки художника.

Собравшиеся в зале гости гудят, напоминая пчелиный рой. Теодор раздраженно хмурится, глубоко вздыхает и на миг прикрывает глаза. Надо отвлечься от явного возбуждения толпы, чтобы сохранить ум в спокойствии на время торгов.

Им с Беном нужна эта леди.

— «Леди из Шалотт смотрит на Ланселота», — улыбаясь чуть дрожащими от воодушевления губами, выдыхает Генри. — Джон Уильям Уотерхаус, тысяча восемьсот девяносто четвертый год.

При нем сегодня нет микрофона, и его голос поглощается шумом гостей в малом зале, но эту фразу слышат все и с нетерпением замирают.

— Начнем торги, — продолжает Генри, — с двух тысяч фунтов.

Теодору кажется, что стартовая цена изначально низка, он даже чувствует укол ревности за свою леди, но крики господ быстро поднимают стоимость до ста тысяч, ста пятидесяти, почти до двухсот.

— Двести пять тысяч, — слышится среди размеренного гула тенор Бена. Стервятник Стрэйдланд отвечает ему с другого конца зала:

— Двести пятнадцать.

Теодор следит за ними некоторое время, его пальцы выстукивают на согнутой в локте руке размеренный ритм. В голове повторяющимся бесконечным циклом звенит услышанная от Бена песня, настолько молодежная и непонятная, что даже мутит, но, как и всякая надоедливая мелодия, эта не хочет оставлять его в покое.

— Двести семнадцать! — цедит Стрэйдланд сквозь зубы. По выражению его лица можно понять, что выскочка Паттерсон его уже разозлил.

Бен оборачивается и высматривает Теодора за спинами ценителей искусства. Тот кивает, делая шаг к Генри и картине.

— Предлагаю двести пятьдесят тысяч фунтов, — говорит он глубоким голосом, рассекающим гудящую толпу, словно острое лезвие ножа. Бледные лица его оппонентов, всех, кто есть в зале, застывают вокруг него неживыми масками.

Они с Беном проворачивают такой ход уже в четвертый раз. Возражений быть не должно.

— Это моя картина, малолетний юнец! — шипит старик Стрэйдланд, меняясь в лице от злости: бледные впалые щеки покрываются неприятными розовыми пятнами, на скулах выступает испарина. Теодор не удостоивает его вниманием.